

Бай Циюй был измучен болью и непреодолимым отчаянием до такой степени, что едва не лишился рассудка.

Словно ведомый лишь инстинктом выживания, он, как живой мертвец, побрел к двери, но за секунду до того, как его рука легла на ручку, сознание прояснилось. Он схватил керамический нож и с силой полоснул себя по пальцу.

Говорят, что пальцы связаны с сердцем. Острая боль заставила его кожу покрыться мурашками, он жадно хватал ртом воздух, пытаясь удержаться в реальности.

— Оно не вошло сразу, а пыталось обманом заставить меня открыть дверь.

Может, сработала молитва со сжиганием бумаги? Или существуют какие-то иные неписанные правила?

Хоть он и не знал точной причины, Бай Циюй остро почувствовал: это существо не может свободно входить в его комнату.

День за днем, в грохоте ударов в дверь и сводящем с ума шепоте, непонятно сколько времени прошло...

Наступила тишина.

Бай Циюй без сил сполз на диван, вытирая липкий холодный пот с лица.

Едва уловимое чувство тревоги и давления исчезло. Он понял, что пока в безопасности.

Он взглянул на часы. Эти мучительные часы, тянувшиеся бесконечно, на самом деле заняли меньше десяти минут.

За окном царила мертвенная чернота, весь свет был поглощен давящим злом, и невозможно было понять, когда наступит настоящий закат.

Рука продолжала кровоточить, тупая боль была невыносимой, но Бай Циюю было не до того.

Он принял холодный душ, чтобы прийти в себя, и, обдумывая под шум воды дальнейшие шаги, вновь услышал стук в дверь.

...Снова?

Он поспешно вытерся, оделся и вышел, сжимая в руке керамический нож, готовый к бою.

Но за дверью раздался тот же тонкий голосок.

Маленькая девочка произнесла: — Я слышала, у тебя тут такой шум, что случилось?

— ...Сяо Юньэр?

— Это я. Открывай.

Бай Циюй глубоко вздохнул: — Если ты настоящая Сяо Юньэр, приходи завтра днем.

— Нельзя! Открывай быстрее, у меня срочное дело!

Бай Циюй усмехнулся: — Даже в маленькую девочку рядишься, совесть есть вообще? Проваливай!

Сяо Юньэр, казалось, не понимала, почему добрый дядя Бай вдруг стал таким холодным, и долго еще тонким голосом звала его, но Бай Циюй оставался непреклонен.

В этот раз подражание было слишком реалистичным.

Несколько раз Бай Циюй был готов впустить девочку, но разум удерживал его.

Он твердил себе: даже если Сяо Юньэр настоящая, сейчас не время играть с ней.

Когда все закончится, он извинится перед ней.

Спустя долгое время голос Сяо Юньэр наконец стих.

Когда Бай Циюй решил, что она или Оно сдались, тонкий женский голос заговорил снова.

— Бай Циюй, я пришла спасти тебя. Посмотри внимательно на телефон, сейчас 16:58, настоящий закат еще не наступил.

— Если не откроешь сейчас, будет поздно.

— Конечно, я помогаю не просто так, — ее голос был нежным и тонким, как самое мягкое облачко у солнца. — Не забудь про яблоки, которые обещал.

Бай Циюй дрожа подошел к двери и заглянул в глазок. На пороге стояла маленькая девочка.

Она была настолько худой и крошечной, что виднелась только макушка с двумя хвостиками, кончики которых отливали болезненной желтизной.

Можно ли ей верить?

Откуда она знает о договоре на закате?

Кто она такая?

Бесчисленные вопросы боролись в его душе. Один голос твердил не верить ей, другой — что даже если не верить, времени все равно нет, почему бы не попробовать?

Времени на раздумья не оставалось.

Спокойно...

Сяо Юньэр права: часы на стене были злонамеренно переведены на час вперед.

Телефон показывал 16:59, вся эта долгая борьба заняла лишь десяток минут.

Значит, причина, по которой Оно не могло войти, была не в божественной защите, а в том, что Оно просто пришло поиздеваться над ним заранее, а время уговора еще не пришло.

Если девочка за дверью была подделкой, ей не было нужды указывать на то, что время переведено, ведь в панике Бай Циюй уже поверил в неправильное время.

Рискнем.

Надеюсь, эта ставка сыграет.

И Бай Циюй угадал.

Девочка за дверью смотрела на него с недетской серьезностью, и, едва войдя, сразу перешла к делу.

— Ты связался с чем-то очень могущественным. Мне с этим не справиться.

Заметив боль на лице Бай Циюя, Сяо Юньэр попыталась улыбнуться, изображая ребенка, которого он любил: — Но выход есть.

— Кто ты такая? — хрипло спросил Бай Циюй. — Если знаешь, что это могущественная тварь, зачем помогаешь?

— Потому что паровые булочки были вкусными, и соевое молоко тоже, — Сяо Юньэр улыбнулась. — Я так давно не ела ничего настолько вкусного.

— Твои родные так с тобой обращаются? Они хуже зверей...

Сяо Юньэр покачала головой: — Ничего не поделаешь, времена изменились. Старое уходит, новое прорастает, никто не хочет, чтобы плохое вытеснило хорошее, но кто станет разбираться?

Ее слова звучали странно, Бай Циюй хотел спросить, неужели смена времен оправдывает жестокое обращение с детьми, но прежде чем он успел открыть рот, Сяо Юньэр взяла его за руку.

— Времени мало, слушай внимательно. У тебя есть тесто для лепешек?

Бай Циюй опешил: — Сырое подойдет?

В холодильнике было готовое раскатанное тесто, которое он купил на Таобао, чтобы упростить себе жизнь.

Сяо Юньэр кивнула: — Подойдет.

Времени не было, Бай Циюй не стал расспрашивать и бросился на кухню.

Он увидел, как Сяо Юньэр взяла керамический нож и полоснула себя по среднему пальцу, из которого тут же выступила капля крови.

Она сделала это так быстро, что Бай Циюй не успел ее остановить.

Он сам только что прошел через это и знал, как это больно, поэтому с жалостью покачал головой: — Что ты делаешь?

Сяо Юньэр промолчала, капнула кровью на кусок теста и скатала его в рулет. Затем она взяла руку Бай Циюя и выдавила немного его крови на другой кусок теста.

Сделав это, она проглотила рулет с его кровью.

— Что ты делаешь!

— Ешь, — она проглотила свою порцию и спокойно протянула ему вторую. — Так мы пропитаемся ароматами друг друга. Когда будем убегать, это собьет его со следа.

Увидев, что Бай Циюй застыл, она резко схватила его за подбородок и запихнула тесто в рот.

Ее движения были такими быстрыми и сильными, что она совсем не походила на истощенную семилетнюю девочку.

Внезапно поднялся ураган, окна затряслись от ударов, а со всех сторон послышался зловещий шепот.

Бай Циюй в ужасе вздрогнул: — Оно пришло...

— Оно обнаружило, что наши ароматы смешались, — низким голосом сказала Сяо Юньэр. — Бежим!

— Куда?

Сяо Юньэр не ответила, потянула его за запястье и бросилась к выходу.

Странно, но Сяо Юньэр была одета в тонкую, почти лохмотья, толстовку, которую когда-то носил Фан И, но в такой холод ее рука была горячее и невероятно сильной.

Они пронеслись по темной лестнице, этаж за этажом...

И каким-то чудом оказались на улице.

Сяо Юньэр, не сбавляя темпа, потащила его прочь от жилого комплекса, приговаривая:

— Слушай, что делать дальше! Не останавливайся ни на миг, иди к пику Тяньчжу, найди перекресток дороги Лунпань и шоссе В61, поднимайся по тропинке в гору!

Она говорила очень быстро: — Там есть заброшенная дорога, пройди около километра, увидишь кладбище!

— Кладбище...?

— Да.

Не обращая внимания на то, что Бай Циюй задыхается, Сяо Юньэр тащила его, пока они не выбежали на оживленную улицу. Закат снова окрасил небо в пьянящие тона, вокруг сновали машины и люди, и от этого хотелось плакать.

— Это кладбище — родовые могилы семьи Фан, — чеканила Сяо Юньэр. — Найди надгробие с именем Бай Саньфу. Спрячься за ним и не издавай ни звука.

После этих слов ее личность стала очевидной.

Он недоверчиво открыл рот: — Ты... ты хранительница семьи Фан?!

— Тс-с, просто запомни.

Огромная надежда захлестнула Бай Циюя, он несколько раз открывал рот, прежде чем смог выговорить:

— Значит, этот облик маленькой девочки — маскировка?

— Конечно, — Сяо Юньэр прищурилась и лукаво подмигнула. — Мое настоящее имя Бай Саньфу, люди называют меня дедушка Саньфу. То, что ты видишь, лишь воплощение великого дедушки, как я могу быть просто слабой девчонкой? Ты недооцениваешь меня.

У Бай Циюя покраснели глаза, он не знал, плакать ему или смеяться.

К счастью, она не была дочерью семьи Фан, и в мире не было маленькой девочки Сяо Юньэр, которую бы мучили.

И к счастью, он сам всегда был добр к людям, и боги слышали его молитвы.

— Ладно, не плачь, иди, — мягко сказала Сяо Юньэр. — Я останусь здесь, он будет думать, что я — это ты.

— С тобой точно все будет в порядке?

— Я, великий дедушка, обладаю великими силами. Даже если я не смогу его победить, эта нечисть ничего не сможет мне сделать. Беги, я гадал: если переживешь эту ночь, тебя ждет помощь благородных людей, и все будет хорошо.

— Спасибо, спасибо вам... — Бай Циюй, не сдерживая слез, попрощался с Сяо Юньэр. — Я пошел. Если я вернусь живым...

Сяо Юньэр перебила его: — Не забудь про яблоки для дедушки.

Бай Циюй сквозь слезы рассмеялся и побежал к свободному такси.

Позади Сяо Юньэр продолжала наставлять: — Помни, что бы ни случилось, не издавай ни звука...

— Хорошо...

Такси с ревом сорвалось с места. Бай Циюй назвал адрес и прильнул к окну, глядя, как фигурка Сяо Юньэр становится все меньше.

Наконец, в лучах багрового заката силуэт девочки превратился в крошечную точку и исчез.

Он закрыл окно и разрыдался, закрыв лицо руками.

Водитель, мужчина лет пятидесяти, пытался его утешить, говоря, что в мире нет ничего, из-за чего стоило бы плакать, но слезы не останавливались. Его добрые слова пролетали мимо ушей, сливаясь в невнятный гул.

Добравшись до дороги Лунпань, Бай Циюй дождался, пока они найдут перекресток с шоссе В61, и вышел из машины.

Оглядевшись, он действительно увидел в черной лесной чаще еле заметную тропинку, уходящую вглубь леса.

Он перелез через ограждение, опираясь на кривые стволы деревьев, и, спотыкаясь, побрел по крутой грязевой дороге.

Фонарей не было, закат угас, все погрузилось в сумерки, но Бай Циюй больше не чувствовал страха.

Он должен вернуться живым. Он дважды обманул Сяо Юньэр с яблоками и больше не может быть лжецом.

Неизвестно, сколько он шел — полчаса или час — как вдруг перед ним открылась поляна, очищенная от диких деревьев и кустарника.

Еще через десяток метров земля стала плотно утоптанной.

Бай Циюй понял — он на месте.

Он поклонился надгробиям, стоящим в темноте, словно призраки, прошептал несколько добрых слов и, ступая по траве, медленно приблизился.

Осмотрев несколько плит, он убедился, что это родовое кладбище семьи Фан.

— ...Нашел.

В юго-восточном углу, на странном возвышении, стояла огромная плита, отличавшаяся от остальных.

Более двух метров в высоту, тяжелая и величественная, она несла на себе следы прожитых лет.

Бай Циюю пришлось встать на цыпочки, чтобы разобрать надпись наверху: «Бессмертный Саньфу оберегает души рода Фан».

Ниже шел длинный список имен, большинство из них были с фамилией Фан — похоже на родословную плиту.

Перед плитой не было ни стола для подношений, ни самих даров, лишь наполовину вросший в землю ржавый котел.

Судя по слою влажного, превратившегося в грязь пепла, здесь уже много лет никто не молился.

Ветер в лесу завывал зловеще. Бай Циюй не осмеливался смотреть по сторонам и, как велела Сяо Юньэр, спрятался за плитой.

Наступила полная темнота. С фонариком в телефоне дальше вытянутой руки ничего не было видно. Несколько дней назад шел дождь, земля оставалась сырой и холодной, промолив его тонкие спортивные штаны. Ветер заставлял голову раскалываться от боли. Прятаться на таком кладбище в глуши было мучительным испытанием, требующим огромного мужества, но для Бай Циюя это место стало единственным спасением.

Он не сводил глаз с часов на телефоне: 19:00, 20:00, 21:00...

Вдруг он услышал шепот.

В тот же миг, когда возник этот хаотичный, бессмысленный гул, тьма вокруг кладбища изменилась.

Оно пришло?

Сяо Юньэр не может... нет, нет. Бай Циюй подавил страх, успокаивая себя: возможно, просто маскировка была раскрыта.

Он заблокировал телефон, положил его экраном вниз на землю и затаил дыхание.

Шурх-шурх... слышался звук чего-то огромного, волочащегося по траве.

Существо было невероятно тяжелым и медленным — он слышал, как мягкая земля скрипит под его весом.

Вместе с этим пришел гул тысячи ртов, произносящих нелогичные, леденящие душу фразы.

Любой образованный человек, обладающий критическим мышлением, услышав этот бред, перевернувший все представления о мире, почувствовал бы отвращение, тошноту и невыразимый хаос.

Они словно говорили:

— Где ты прячешься, где ты скрываешься, ты, ты, ты здесь!

— Выходи, выходи, не прячься, мы тебя найдем!

Все ближе, ближе...

Шепот звучал то где-то далеко, то прямо над ухом, не более чем в пяти метрах. Несметное количество ртов, невозможно было разобрать ни пола, ни возраста, повторяли кошунственные слова.

Бай Циюй вжался в холодную плиту, свернувшись в комок.

Каждый вдох стал роскошью. Он очень медленно, едва заметно втягивал и выпускал воздух, вцепившись в свои плечи и колени, боясь, что малейшее дрожание выдаст его.

Может, его старания или молитвы помогли, но удушающее давление и хаотичный шепот постепенно начали отступать.

Бай Циюй прислушался: вдалеке по шоссе проезжали грузовики, водители громко смеялись, обсуждали новости, какие-то серийные убийства или странную смерть чиновника.

Неизвестно, сколько прошло времени, но наконец последнее давление и шепот исчезли, оставив лишь легкий шум ночного ветра в лесу.

— Ха... ха...

Бай Циюй осмелился дышать полной грудью. Он осторожно коснулся телефона — было 22:30.

Тяжелое испытание.

Он пожалел, что не взял воды и еды, губы потрескались, горло пересохло, но горько усмехнулся: разве он смог бы есть, даже если бы взял?

До часу ночи невидимые тени приходили и уходили несколько раз.

Однажды эти безумные звуки приблизились настолько, что волосы на теле Бай Циюя встали

дыбом, и он чуть было не сорвался с места, чтобы бежать, но, как и говорила Сяо Юньэр, пока он не издавал звука, они не могли его найти.

И когда Бай Циюй уже начал надеяться, случилась беда.

Динь-динь...

!

Бай Циюй застыл, как труп. Он медленно повернул голову вниз — на экране заблокированного телефона пришло сообщение с [Неизвестного номера].

— Привет, это Ли Сяоце. Долго думал и все же взял твой номер у арендодателя, чтобы извиниться...

— Я отправил тебе больше десяти сообщений, уверен, ты не получил ни одного. Это продолжается уже больше трех месяцев...

— Сейчас... эта штука пришла... я тоже... ничего не могу поделать...

Телефон зазвонил без умолку. В тишине ночного леса этот обычный звук раздавался, как зов смерти, громко отражаясь от деревьев.

В следующую секунду поднялся ураган, раздались крики, тени начали безудержно раздуваться, словно в экстазе: они знали, что добыча, которую искал хозяин, обнаружена.

Что делать, что делать, что делать?!

Со всех сторон выл ветер, хаотичный шепот становился все громче и яростнее, тысячи бессмысленных слогов вгрызались в онемевшие барабанные перепонки, сводя с ума.

Мозг гудел от перегрузки информацией. Неизвестно, сколько прошло — минута или десять — все снова погрузилось в тишину.

Струна, называемая выдержкой, в голове Бай Циюя лопнула.

Оно явилось.

В тот момент, когда его окутали невидимые щупальца, Бай Циюй уже был неспособен ни думать, ни сопротивляться.

Слезы, казалось, больше не нужны были как физиологический процесс.

Но почему-то он не мог перестать плакать. Слезы катились градом, словно оплакивая все утраченное, и падали на конечности существа, плотно сжимавшего его.

Оно почувствовало — они соленые.

Оно с интересом лизнуло слишком мягкую, беззащитную щеку человека, и нежная текстура заставила его удовлетворенно прищуриться.

Человеческое тело было таким крошечным, что даже от легкого касания на лице остался красный след.

Если бы Оно не сдержалось, половины лица просто не стало бы.

Для лучшего восприятия Оно приняло облик человека.

В обнаженных объятиях Бай Циюй забился в ложбинку шеи, как капля воды в чаше, послушный до головокружения.

Оно было в отличном настроении, кончики конечностей дрожали. Оно склонилось и принялось нежно целовать мягкие губы.

Оно помнило, что в человеческой культуре это знак любви, и если человек согласен, это означает согласие на совокупление.

Хотя Оно не понимало, почему после поцелуев его все равно отвергали, время для него было ничем, и Оно не против подождать.

Черные липкие конечности скользнули по узкой талии, оставляя на белой коже пугающие красные следы, разорвали ткань и потянулись ниже...

Вдруг Оно остановилось.

В непроглядной, плотной, почти осязаемой тьме появился просвет.

Это было то самое существо с человеческим ароматом.

Оно кричало: — Бай Циюй! Бай Циюй... проснись, не спи! Не сдавайся!

Не спи.

Не сдавайся.

Опять это!!!

Шепот и черные щупальца, сводящие с ума, казалось, были в ярости. Удушающее давление возросло, давя на остатки разума Бай Циюя.

Несколько раз он хотел просто позволить себе вернуться в небытие, в первобытное невежество, но последние крохи разума удерживали его, не давая сознанию рассыпаться.

Не спи.

Не сдавайся.

Ты еще хочешь жить.

— Я... я хочу жить... — в глазах Бай Циюя промелькнула ясность. — Я не хочу...

Голос Сяо Юньэр становился все отчетливее.

— Отвергни его, заставь уйти! У тебя сверхъестественное чутье... ты сможешь... — девочка тяжело дышала, ее голос был как чистый источник, смывающий хаос. — Если ты откажешься, оно ничего не сможет тебе сделать... Отвергни его! Скажи ему: Убейся!

Словно ударил колокол, пустой разум Бай Циюя содрогнулся.

Сквозь головокружение и острую боль разум, управляемый крахом, отчаянно боролся.

Голос девочки был как весенний ветер, разогнавший мрак.

— Убирайся! Убирайся!!!

Бай Циюй закричал изо всех сил, его глаза обрели невиданную ясность.

Тьма, окутывающая его, эти безумные щупальца сжали его еще сильнее, но он, уставившись в бесстрастные глаза Чжан Ихэ, по слогам произнес: — Пожалуйста, убирайся.

Оно остановилось.

— Почему?

— Нипочему, — Бай Циюй тяжело дышал, с ненавистью глядя в глаза существу. — Я не хочу.

— Как странно, — сказала Оно. — Тебе не нравится Ци Жун, не нравится Чжан Ихэ, кого же ты хочешь? Это лицо и это тело — самое совершенное произведение, созданное по человеческим канонам красоты. Почему твое сердце не дрогнуло?

Сказав это, лицо Чжан Ихэ начало плавиться.

Холодное лицо искажалось и перестраивалось с отвратительной амплитудой, словно личинки под кожей.

Вскоре нос стал острее, черты лица глубже, глаза — темно-серыми, губы — тоньше.

— А так? Или так?

Каждое лицо было идеальным, красивым, но при мысли о том, что скрывается под кожей, Бай Циюя тошнило.

В момент, когда воздух застыл, в лесу появилась хрупкая фигурка — пришла Сяо Юньэр.

Бай Циюй увидел надежду, он изо всех сил оттолкнул меняющееся существо и, пошатываясь, побежал.

Затем его радость угасла.

Это была вовсе не Сяо Юньэр, а лишь старая белая толстовка, которую она всегда носила.

На одежде были огромные черные пятна крови, предвещавшие печальный финал.

Огромный ужас охватил Бай Циюя. Его словно бросили на дно океана, давление воды давило на сердце и легкие, он не мог дышать и издать ни звука.

— Что ты ищешь? — раздался голос позади. — Это?

Бай Циюй с трудом повернул шею, слыша, как трутся кости, и уставился на точку на поляне.

Это был маленький грязный ежик.

Казалось, он был мертв, а может, еще жив, тихо лежа в бесконечной тьме, как серый камень, слившийся с мертвой землей.

Такой худой, такой маленький, словно никогда не ел досыта.

Бай Циюй не помнил, как подошел к нему. Он без сил упал на колени, поднял ежика, и огромная кровавая дыра на его теле обожгла глаза.

Словно арматура пронзила его насквозь, поврежденные органы и плоть вываливались наружу черной массой.

Даже если он еще слабо дышал, все понимали, что времени почти не осталось.

Заметив Бай Циюя, ежик слегка шевельнул глазами-бусинками и посмотрел на него.

Его первыми словами были: — Что же делать, я все испортил.

Последняя струна в голове Бай Циюя оборвалась.

Он прижал ежика к груди, не обращая внимания на иглы, впивающиеся в кожу, и изо всех сил зажал рану, словно это могло помочь.

— Ты же дедушка Саньфу! — всхлипнул он. — Ты же дедушка Саньфу, всемогущий бессмертный! Почему? ...Почему такой худой, как давно ты не ел...

— Ничего не поделаешь, — сказал он. — Те, кто творит добро, голодают, а те, кто зло — жируют. Мир бессмертных тоже несправедлив.

— Не умирай, не надо... — Бай Циюй мотал головой. — Прости, это я тебя погубил...

В глазах-бусинках отразилась невыразимая печаль.

— Я уже обратилась за помощью к достигшим просветления предкам моего рода Бай... Ты... ты продержишься еще немного.

Маленькое тельце под острыми шипами тяжело дышало. Оно вздрогнуло и с огромным трудом положило лапку на руку Бай Циюя:

— Гадания говорят мне, что если ты продержишься еще эту последнюю ночь... не сдавайся, не дай моим стараниям пойти прахом...

— Сяо Юньэр! — вскрикнул Бай Циюй. — Ты просишь меня держаться, а как же ты сама!

— Я? А что я... Видимо, не суждено мне стать бессмертным божеством...

— Нет... — Бай Циюй больше не мог сдерживать слез, он зарыдал, не заботясь о том, что лицо его залито потоками воды. — Не умирай, я куплю тебе самые сладкие и большие яблоки, целый ящик, целую машину! Я больше не нарушу своего слова, открой глаза, посмотри на меня...

Горячие слезы упали на маленького ежика, и его тело резко дернулось.

Черные глазки-бусинки пристально смотрели на него, и каждое слово давалось с трудом:

— Божество, лишённое поклонения, подобно человеку, о котором никто не помнит, — и то, и другое становится ненужным хламом в этом мире... Но боги иные, они фундаментально... совершенно фундаментально отличаются от нас.

Сяо Юньэр прошептала эти слова, повторяя их снова и снова:

— В самой своей сути, совершенно иные. Ты знаешь, что такое солнце? Им нет дела ни до чего, кроме них самих, они действуют по своей воле, не ведая преград... Будь осторожен.

Сказав это, крошечная лапка испачканного грязью ежика безвольно опустилась. Свет в его влажных черных глазках начал гаснуть, и он замер, словно сломанная игрушка, у которой закончился завод.

В пучине невыносимого горя Бай Циюй смутно осознал: как бы он ни плакал, как бы ни клялся, ушедшее никогда не вернется.

Неизвестно откуда, черная дымка сгустилась, окутывая Бай Циюя.

— Тс-с... послушай меня.

Бай Циюй поднял заплаканные глаза. Разбитое сердце заставило его почувствовать, что теперь уже всё равно.

— Ты хочешь, чтобы он жил?

— Ты убил его! У тебя еще хватает наглости спрашивать меня об этом?!

На темном теле, заслонившем собой небеса, человеческое лицо расплылось в улыбке.

— Я не понимаю, почему тебе так трудно это принять, ведь смерть — это неизбежный финал для любого живого существа. Но я хочу заключить с тобой сделку...

— Пообещай мне, и я отпущу его.

Бай Циюя не удивило, что оно произнесло такие слова. Он не верил, что оно может вернуть Сяо Юньэр к жизни, не верил, что оно сдержит обещание. Но... ему уже нечего было терять.

Его рассудок и способность мыслить были изорваны в клочья, мозг превратился в руины после перенапряжения и последовавшего за ним сбоя. Он балансировал на грани краха, между

безумием и тупостью.

— Если ты сможешь это сделать, — он услышал собственный голос, словно доносившийся из другого мира, — если ты сможешь, я согласен.

Словно были сняты ограничения, или же это была ярость от того, что его обманули, смешанная с наслаждением от того, что добыча не ускользнет из рук, — «Оно» больше не сдерживалось.

Бай Циюй, лишившись всех сил, рухнул на землю, окутанную тьмой.

Под ним было холодно, сыро и мягко, словно он упал в густую жижу — то ли в незасохшую грязь, то ли еще во что-то.

Бесформенные тени, превратившись в тысячи скользких, не поддающихся логике конечностей, сжали человека, лишённого воли к сопротивлению, раздавленного отчаянием и болью, в бесконечном злорадстве.

Человекоподобная голова склонилась над ним, с пугающей нежностью и наслаждением покрывая его мелкими поцелуями.

Оно целовало его бледные, влажные от слез щеки, его красивые, потерявшие фокус глаза, крошечные уши и губы. Это был его величайший трофей.

Его язык был неестественно длинным, но неожиданно мягким, с поверхностью, напоминающей нежные гранулы плоти. Когда он скользнул в рот, Бай Циюя пробила физиологическая дрожь от этого странного ощущения.

Тысячи сильных конечностей крепко обвили его, и на мгновение Бай Циюю показалось, что его любят.

Пусть будет так.

В его голове была пустота.

Это лучше, чем смерть.

Лучше, чем быть виновником чужой гибели.

В следующее мгновение что-то пронзило его.

Внутри разлилось странное онемение и дурман, словно от укола морфия, вызывая эйфорию. Он

знал, что высшие существа в природе выделяют анестетики во время спаривания, чтобы самка не сбежала от боли и процесс завершился успешно.

Белоснежное тело напряглось посреди хаотичного шепота и разрастающихся липких конечностей. Он был словно разбитая кукла, брошенная миром, принимающая объятия тьмы.

В этот миг Бай Циюй наконец увидел правду о тысячах рук.

Это была лишь низшая имитация природы, созданная из вязкой субстанции.

Никаких рук не существовало, как и не было тысяч существ, нашептывающих бессвязные слова. Они были лишь «клетками», «частями тела», «биомиметическими органами» — грязным осквернением земных существ, когда зло обрело плоть.

И это «огромное», «заслоняющее небо» тело не было всем существом — лишь «органом», «проекцией».

Точно так же, как солнце.

Он застыл в оцепенении.

Оно просто «существует» там, даруя благодать всему живому на планете. Но, точно так же, просто «существуя», оно может сжечь дотла любого, кто не знает своего места. Боги, которым поклонялись с эпохи собирательства, никогда не были милосердны.

Они просто «существуют».

—

В то же время. На шоссе, ведущем в Шанхай.

В быстро мчащемся черном автомобиле пожилая женщина с седыми волосами, сидевшая с закрытыми глазами, вдруг вздрогнула, ее позвоночник выгнулся, тонкие пальцы судорожно сжались, а затем она затихла.

Открыв глаза, она вскрикнула:

— Это же мальчик Саньфу! Водитель, быстрее!

— Есть!

Она крепко сжимала телефон, экран которого был забит пропущенными вызовами от одного и того же человека.

Дурной знак... невыразимо дурной знак...

<http://bllate.org/book/18696/1806994>